

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

РАЗВИТИЕ МАНАСОВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

А.К. Исаева

г. Бишкек (Киргизия)

Резюме: В статье рассматривается становление манасоведения – направления в эпосоведении Кыргызстана, основные этапы его развития. На основе проведенного обзора в диахроническом плане выявлены основные проблемы, которые вставали перед исследователями эпоса «Манас» в разные годы его изучения: принципы собирания и записи эпоса «Манас»; время возникновения эпоса; принципы составления и издания сборника трудов, посвященных эпосу; методы составления сводного варианта эпоса; принципы перевода эпоса на русский язык; принципы академического издания эпоса; подходы к созданию энциклопедии эпоса.

В исследовании затронута проблема взаимоотношений государства, власти и фольклора, характерного для советского пространства, выявлены общие закономерности этого процесса, заключающиеся в попытках создать «советский фольклор», отвечающий идеологическим установкам, а также в нигилистическом отторжении и осуждении ряда национальных эпосов народов СССР – «Гэсэр», «Едиге», «Манас», «Алпамыш» и др.

Определена роль исследователей, сделавших вклад в развитие науки об эпосе «Манас». Ряд ведущих российских и казахских ученых – литературоведов, лингвистов, историков и этнографов – в разные периоды своей творческой деятельности включили в орбиту своих научных интересов эпос «Манас» и, тем самым, были подвергнуты политическим гонениям и преследованиям. В работе приводятся имена ученых, попавших в жернова террора за свою причастность к исследованию и популяризации эпоса.

Исследование показывает достижения отечественных фольклористов в разработке методов и подходов в исследовании эпоса «Манас», его поэтики и текстологии. Значимыми вехами на пути становления манасоведения стали подготовленные академические издания двух вариантов эпоса «Манас», энциклопедии по эпосу, издание эпоса в серии «Эпос народов СССР» и ряда сборников с трудами исследователей об эпосе, с материалами и документами, касающимися различных аспектов эпоса.

Ключевые слова: эпосоведение, манасоведение, эпос, сказитель, фольклор, сводный вариант, сборник документов, панисламизм, пантюркизм, репрессии.

Исаева Асель Кенешбековна – кандидат филологических наук, заведующая Рукописным фондом Института языка и литературы им. Ч. Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика, e-mail: asel.isaeva@gmail.com.

Период становления и развития одного из направлений фольклористики, рассматривающего в качестве объекта и предмета исследования кыргызский эпос «Манас», пришлось на XX столетие. Основной корпус вариантов эпоса (кроме вариантов, записанных во второй половине XIX в. Ч. Валихановым и В.В. Радловым) был записан в этот период. Первым энтузиастом, заложившим основы записи кыргызского фольклора, стал просветитель и теоретик-эмпирик – Каюм Мифтаков. Бывая в разных частях страны, К. Мифтаков выявлял носителей фольклора, записывал от них разножанровые тексты. По его рекомендации Туркестанская научная комиссия и Народный комиссариат просвещения Кара-Киргизской АО приняли решение о первой полномасштабной записи текста эпоса «Манас» от сказителя Сагымбая Орозбакова, которая растянулась на четыре года (1922–1926 гг.). С этого момента начался процесс планомерной и систематической записи устного народного творчества кыргызского народа.

Первые десятилетия XX столетия стали периодом просветительства, накопления знаний и активного вовлечения кыргызской интеллигенции в научные исследования. Последующие десятилетия были омрачены идеологическим и политическим давлением, преследованиями ученых и носителей фольклора.

Аналізу отношений, сложившихся между государством и носителями фольклора, а также его исследователями в Советском Союзе в первой половине XX в. посвящен ряд научных работ. Статья А.С. Архиповой и С.Ю. Неклюдова «Фольклор и власть в закрытом обществе» [Архипова, Неклюдов 2010] выявляет и показывает главные тенденции государственного регулирования процесса фольклорного творчества. Определяя эти отношения как «уникальные», авторы показывают, как предпринимались попытки создать «советский фольклор», отвечающий требованиям политико-идеологической системы того времени, и объясняют, почему эти усилия ни к чему не привели. Основной причиной отторжения новоявленных фольклорных текстов явилась сама природа фольклорного творчества, которая принимает и развивает только те традиции, которые востребованы народом, а не навязаны искусственно сверху.

Одним из важных аспектов исследования стал вопрос о судьбе эпических произведений народов СССР: «Последний всплеск интереса властей к устным традициям, имевший место во время антикосмополитической кампании 1940-х гг., заключался в осуждении ими ряда национальных эпосов народов СССР как “феодално-байских” (бурятский “Абай Гэсэр”, ногайский “Едиге” и др.) и их последующей “реабилитации” в 1950-е гг.». И далее: «“методологические” предпосылки ... имели совершенно “неакадемический” характер и заключались в категорическом неприятии коммунистической партией любых проявлений национального самосознания, кроме русского» [Архипова, Неклюдов 2010: 84–108]. Положения, изложенные в данном исследовании, объясняют те процессы, с которым столкнулись исследователи эпоса «Манас», как «неакадемические предпосылки» отразились на их судьбах и, в конечном счете, на развитии эпосоведения в стране в целом.

Освещению периода репрессий, которым подверглись исследователи эпоса, посвятили свои работы С.В. Плоских [Плоских 2012] и Т. Бакчиев [Бакчиев 2012].

Важным событием, которое обобщило исследовательские усилия ученых-манасоведов, стало издание сборника документов по эпосу «Манас» [Манас 2020],

позволившее академическому сообществу познакомиться с самым широким спектром проблем, стоявшим перед манасоведением, а также с путями их решения. В издание вошли документы, хранящиеся в Рукописном фонде Института языка и литературы им. Ч. Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, в Центральном государственном архиве КР, Центральном государственном архиве общественно-политической документации КР. Среди них стенограммы заседаний и конференций, протоколы ученых советов, переписка между научными ведомствами. В представленных документах нашли свое отражение наиболее важные проблемы, которые в разные периоды ставились перед эпосоведами страны: принципы собирания и записи эпоса «Манас»; вопрос о времени возникновения эпоса и его историзме; издание сборника трудов по эпосу; вопрос о возможности/невозможности создания сводного варианта эпоса; принципы перевода эпоса на русский язык; принципы академического издания эпоса; создание энциклопедии эпоса.

Первое большое совещание по проблемам манасоведения было собрано в 1935 г. на Всесоюзной конференции, сведения по которой были засекречены, так как подавляющее большинство ее участников в 1937 г. было репрессировано: первый секретарь Киргизского обкома ВКП(б), член редколлегии по изданию эпоса «Манас» Морис Белоцкий; председатель Совнаркома Киргизской ССР, член редколлегии по изданию эпоса «Манас» Баялы Исакеев; ученый, поэт, Народный комиссар просвещения Киргизской АССР Касым Тыныстанов; лингвист, востоковед и литературовед Евгений Дмитриевич Поливанов [Судьба 1995: 13–23]. Стенограмма совещания по «Манасу» 27–28 декабря 1935 г. опубликована в сборнике на основе оригинала, хранящегося в архиве Комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. Основными докладчиками выступили К. Тыныстанов, Е.Д. Поливанов, М.О. Ауэзов, которые поставили вопрос о ценности эпоса и его непреходящем значении, заложив таким образом тенденции будущих исследований.

Поистине драматичным и, более того, трагичным, стал для манасоведения вопрос об издании эпоса. Задача издания эпоса на кыргызском и русском языках будет ставиться перед учеными неоднократно, начиная с 1925 г. В марте 1935 г. была создана первая редколлегия по изданию эпоса, семь человек из ее состава в 1937 г. будут расстреляны. Среди них: Токчоро Джолдошев – основоположник киргизской литературной критики, главный редактор подготавливаемого к изданию эпоса, народный комиссар просвещения; вышеупомянутые М. Белоцкий и Б. Исакеев; Хасан Джиенбаев – второй секретарь ЦК КП(б) Киргизской ССР, член редколлегии; Александр Николаевич Самойлович – востоковед, тюрколог, академик АН СССР, член редколлегии; Айильчинов¹ – Зав. отделом культуры и пропаганды марксизма-ленинизма ОК ВКП (б), член редколлегии; Сакен Сейфуллин – основоположник современной казахской литературы, поэт и писатель, государственный деятель, член редколлегии. Издание планировалось подготовить к 20-летию Октябрьской революции (1937), но по идеологическим причинам было остановлено. В «Записке» второго секретаря ЦК КП(б) Киргизии Х. Джиенбаева членам бюро ЦК КП(б) Киргизии причина запрета на издание

¹ Во всех доступных автору архивных документах фамилия приводится без инициалов.

эпоса объясняется тем, что «контрреволюционная, пантюркистская и панисламистская идеология, которая насквозь проходила по всему эпосу “Манас”, не устранена из содержания» [Судьба 1995: 26]. В 1937 г. были расстреляны секретарь Киргизского обкома ВКП(б) Торокул Айтматов, который в 1935 г. на Бюро обкома поднимал вопрос об издании эпоса, а также Максим Аммосов – Первый секретарь ЦК КП(б) Киргизии, поднимавший этот же вопрос на заседании Киробкома ВКП(б) в июле 1937 г., Осмонкул Алиев – народный комиссар просвещения, принимавший участие в заседании бюро Киробкома в июле 1937 г. Репрессиям были подвергнуты Е. Султанбеков и К. Камбаров, которые в ноябре 1937 г. вошли в состав комитета по эпосу.

Попытки издания эпоса продолжали предприниматься и дальше. В январе 1938 г. создается вторая редколлегия по изданию эпоса «Манас», которая повторила трагическую судьбу первого состава: Мурат Салихов – председатель Совета Народных Комиссаров Киргизской ССР, политический редактор, А. Алимов, политический редактор, Гуревич² – член и кандидат Бюро ОК ВКП (б), сотрудник газеты «Советская Киргизия» и политический редактор будут расстреляны в том же году.

В сентябре 1938 г., после ликвидации членов второй редколлегии, утверждается третья редколлегия. К этому времени волна репрессий стихла, и люди, вошедшие в последний состав, не пострадали. Однако вопрос с изданием эпоса снова решить не удалось.

Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», принятое 14 августа 1946 г., затронуло судьбы литераторов и оказало воздействие на всю гуманитарную науку в Советском Союзе. Период же конца 30-х – начала 40-х гг. XX в. был относительно спокойным, в силу чего исследователям эпоса была предоставлена возможность не только постановки и решения теоретических проблем, но и проведения практических мероприятий по их реализации. В эти годы были выдвинуты такие вопросы, как проведение 1100-летнего юбилея эпоса «Манас», а также издание сборника научных исследований по эпосу.

Празднование юбилея эпоса планировалось провести в 1947 г., и в рамках подготовки к этому событию были намечены масштабные мероприятия. Среди них издание полного текста эпоса на кыргызском языке, издание отрывков из эпоса «Великий поход» и «Поминки по Кокетею» в русском переводе, издание сокращенного прозаического пересказа сюжета трилогии на кыргызском и русском языках, а также ряд мероприятий, демонстрирующих отражение эпоса в различных видах искусства – кино, театральных и оперных постановках, живописи. Однако меры, предпринятые по реализации Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», не позволили большей части запланированных задач осуществиться. Издание 1946 г. «Великий поход» в переводе С. Липкина, Л. Пеньковского, М. Тарловского [Манас 1946] вскоре будет признано реакционным и станет повсеместно изыматься из обращения.

Состоявшееся в 1948 г. заседание ученого совета Института языка, литературы и истории Кирг. ФАН СССР [Манас 2020: 191–224] прошло в обстановке относительной свободы, что позволило выработать ряд теоретических положений.

² Во всех доступных автору архивных документах фамилия приводится без инициалов.

Основной темой совещания стал вопрос об издании сборника научных трудов, посвященных эпосу «Манас». Совещание подготовило ряд важных рекомендаций, заложивших основы развития манасоведения на годы вперед. Основным докладчиком выступил М.О. Ауэзов. Характеризуя эпос, писатель подчеркнул, что «не каждый эпос достигает уровня развития, при котором он становится единым целым повествованием, тогда как “Манас” представляет в последние века единственный пример такой циклизации, такого объединения» [Манас 2020: 194].

Относительно свободная атмосфера позволила докладчику и выступающим ставить острые полемические проблемы. Было решено привлечь к работе таких видных ученых, как В.М. Жирмунский, А.Н. Бернштам, С.М. Абрамзон, П.Н. Берков, а также ученых из Кыргызстана – Х. Карасаева, Т.И. Байджиева, З. Бектенова, кроме того, включить в сборник диссертационную работу К. Рахматуллина (к этому времени уже покойного). Идея издания этого сборника была реализована только через 20 лет – в 1968 г. [Манас 1968]. Редактором издания выступил С. Мусаев. В сборник вошли статьи авторов, которые планировали включить в первоначальный вариант сборника – К. Рахматуллина, А.Н. Бернштама, П. Беркова, С.М. Абрамзона. Кроме того, сборник был расширен за счет исследователей дореволюционного времени – В.В. Радлова, Ч. Валиханова, Г. Алмаши, П. Фалева, а также Е.Д. Поливанова и Б.М. Юнусалиева. В него не вошли статьи В.М. Жирмунского, Х. Карасаева, Т.И. Байджиева, З. Бектенова.

Отличительной особенностью совещания 1948 г. стала атмосфера свободного обмена мнениями его участников, позволивших себе быть независимыми в высказывании своих идей. Так, основной докладчик М.О. Ауэзов предоставляет право А.Н. Бернштаму на научные поиски и вообще всем участникам на «различные точки зрения» [Манас 2020: 197]. Говоря о значимости участия в подготовке сборника В.М. Жирмунского, М.О. Ауэзов при этом спорит с ним по вопросу о времени зарождения эпоса, настаивая на том, что это IX в., а не XV–XVII вв., как утверждает в своих изысканиях Виктор Максимович. М.О. Ауэзов выступает в защиту варианта эпоса «Манас», записанного от сказителя Сагымбая Орозбакова, в частности, от нападок П.И. Балтина, обвинявшего его в панисламизме и пантюркизме, выступает с критикой позиции Л.И. Климовича, настаивающего на механическом «урезании» текста эпоса для массового издания.

На совещании ставится вопрос о сравнительном изучении эпоса как с родственными тюрко-монгольскими эпосами, так и с другими эпосами, отстоящими по месту и времени их возникновения и бытования. Г.А. Самарин является активным сторонником сравнительно-сопоставительного изучения эпоса, которое позволит решить «вопрос введения киргизского эпоса в первые ряды мирового эпоса» [Манас 2020: 213], его позицию поддерживает Т. Саманчин, вслед за В.М. Жирмунским. Т. Саманчин пытается восстановить научную репутацию К. Рахматуллина, к этому времени уже покойного, подвергнутого гонениям за выдвинутую им гипотезу о том, что «Великий поход» является центральным эпизодом эпоса, что, в свою очередь, отсылало его зарождение к эпохе кыргызского великодержавия. Этой же позиции придерживался и А.Н. Бернштам.

Во время совещания была высказана идея о необходимости комплексного изучения эпоса специалистами из разных областей – литературоведами, языковедами, историками, этнографами. Сборник 1968 г. эту идею реализовал, включив

статьи исследователей по всем этим направлениям. Показательно, что роль и значимость фольклористов, как и в 1948 г., так и позже, не заявлялась, так как сама отрасль «фольклористика» не имела самостоятельного статуса. При этом участие фольклористов в этом совещании было представительным и компетентным. Свой вклад в обсуждение внесли Т. Байджиев (в 1950 г. арестован, в 1952 г. скончался в Песчаном исправительно-трудовом лагере в Карагадинской области Казахстана), Т. Саманчин (также будет репрессирован и сослан в тот же лагерь, что и Т. Байджиев), Г.А. Самарин, У. Джакишев. Обсуждалась работа вышеупомянутого К. Рахматуллина. Фольклористы поставили важные проблемы поэтической структуры эпоса, принципов его описания и анализа. Научный подход позволил им избежать вульгаризации и оценочных суждений, касающихся эпоса. Благодаря усилиям фольклористов удалось выработать важные научные подходы и методологические приемы, которые впоследствии активно осваивались в отечественном эпосоведении. Всесоюзная конференция 1952 г. по эпосу «Манас» оказалась значительно более слабой в постановке фольклористических проблем, так как ведущие фольклористы уже не смогли принять в ней участие в силу примененных к ним репрессивных мер.

В обстановке страха и смятения прошло совещание ученых при Киргизском филиале АН СССР, состоявшееся в сентябре 1951 г., на котором обсуждался вопрос о подготовке к Всесоюзной конференции, посвященной эпосу «Манас». Это совещание проходило на фоне усилившегося давления на гуманитарную науку и последовавших за ним репрессий в отношении исследователей, изучающих эпосы народов СССР. За год до совещания были арестованы и сосланы в Карлаг фольклористы Т. Байджиев, З. Бектенов, Т. Саманчин, как было сказано выше, а сектор «Манаса» расформирован. Эти обстоятельства наложили серьезный отпечаток на атмосферу, в которой прошло совещание, а также на содержание выступлений его участников.

В качестве главного докладчика выступил Л.И. Климович, человек, последовательно придерживающийся неприятия эпоса и особенно одного из его вариантов – текста, записанного от Сагымбая Орозбакова. Он выступал против самой идеи проведения конференции, считая ее преждевременной в силу того, что варианты эпоса, «их характеристика как демократического, народного эпоса не может быть принята» [Манас 2020: 227]. В варианте Сагымбая Орозбакова Л.И. Климович находит только «непрерывные, кровавые войны, стычки такого грабительского характера, которые оправдываются здесь идеями газавата, войны за веру, за распространение ислама путем ограбления и истребления неверных» [Манас 2020: 227]. Поэтому он отрицает возможность «очищения» эпоса от так называемых наслоений, аргументируя это тем, что в этом случае «сюжетная канва разрушится и тогда разрушится само основание этого варианта» [Манас 2020: 227].

Выступление Л.И. Климовича свело обсуждение проблем манасоведения к идеологическим клише, вульгаризации проблем эпоса, что станет мейнстримом на ближайшие десятилетия. В подобного рода дискуссиях места фольклористическому анализу уже практически не отводилось.

Участники совещания боялись открыто высказывать свои суждения, прячась за общими теоретическими определениями марксизма-ленинизма. Один из немногих оставшихся фольклористов У. Джакишев высказал общее мироощущение

ученых, сказав, что он «в запутанном состоянии и нахожусь в таком по сегоднешний день» [Манас 2020: 242]. Объяснением «запутанному состоянию» У. Джакишева является то обстоятельство, что он совместно с Е. Мозольковым был редактором и автором вступительной статьи к изданию «Манаса» на русском языке 1946 г. [Манас 1946], которое было названо реакционным и изъято из обращения.

На этом совещании была заложена практика оценки эпоса с позиции народности – антинародности, были введены в активный оборот такие определения, как панисламизм, пантюркизм, которые в конечном итоге привели к тому, что все выступающие приводили в качестве примеров строки из эпоса, подтверждающие или опровергающие вышеназванные понятия. Установки, заявленные на данном совещании, получили свое развитие на Всесоюзной конференции 1952 г., ставшей этапным событием в развитии манасоведения и оказавшей влияние на некоторые положения эпосоведения в стране.

За три дня конференции выступили 40 человек. Статус всесоюзной конференции получила благодаря участию в ней ученых Л.И. Климовича (РСФСР), А.К. Боровкова (Узбекская ССР), М.О. Ауэзова (Казахская ССР), Б.П. Сухотина (РСФСР), А.Н. Бернштама (РСФСР).

Конференции предшествовала кампания по публикации статей на русском и киргизском языках в газетах общесоюзного и местного значения. Всего было опубликовано порядка 15 статей в газетах «Советская Киргизия», «Литературная газета», «Советтик Кыргызстан». Газетные публикации заложили направление и настрой конференции, определили главные тенденции и оценочные суждения, такие как панисламизм, пантюркизм, народность – антинародность эпоса.

Официальная постановка главной проблемы, выносимой на конференцию, была сформулирована в приветственном слове А.А. Алтмышбаева – председателя конференции: «выяснить идейно-политическую значимость, народность или антинародность эпоса» [Манас 2020: 261]. Это положение нашло свое отражение в каждом докладе и выступлении. Наряду с данной задачей участники конференции ставили и решали вопросы практической направленности: возможна ли публикация эпоса «Манас», и если возможна, то в каком виде она должна быть реализована. Остро стоял вопрос о необходимости изучения эпоса, который последовал вслед за обвинениями его в реакционной направленности. Эти вопросы разделили участников на критиков и защитников эпоса, что привело к ожесточенной полемике.

С основным докладом выступил А.К. Боровков (член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР), с содокладами – М.И. Богданова, У. Джакишев, К. Маликов, А.А. Валитова, Б. Керимджанова. Задачей содокладчиков было представить характеристику и обзор основных вариантов эпоса «Манас».

А.К. Боровков, Л.И. Климович, П.И. Балтин, Г.Г. Нуров, Ж. Самаганов не видели в эпосе «Манас» народной основы, считали его реакционным и, следовательно, не видели возможности для создания сводного варианта. Им оппонировали содокладчики, указанные выше, а также такие исследователи, как Б.М. Юнусалиев, А.Н. Бернштам, К. Соронбаев, М.О. Ауэзов, С. Табышалиев.

Говоря об исламском элементе в эпосе, А.К. Боровков проводит идею о том, что исламские мотивы являются не просто наслоениями в эпосе, а представляют

собой глубинные конструкции, которые изначально там присутствовали. А.К. Боровков отстаивает положение о том, что эпос зародился во время войн с ойратами-калмыками, тем самым «омолаживает» «Манас», подводя его к XV–XVII вв. и, тем самым, отрицает эпоху «кыргызского великодержавия», сложившегося к IX в. Не согласен он и с точкой зрения о многостадийном развитии эпоса «Манас». Отталкиваясь от этих умозрений, А.К. Боровков признает вариант Сагымбая Орозбакова однозначно реакционным, а значит подлежащим полному запрету.

Обвиняя своих оппонентов, он отмечает, что в их трудах проходит «идеализация феодально-клерикальной линии в развитии эпоса». Не остается он в стороне и от критики учения А.Н. Веселовского и Н.Я. Марра, которая в это время была в полном разгаре. В заключение А.К. Боровков утверждает, что не существует ни одной версии эпоса, которую можно было бы считать народной, следовательно, выступает против создания сводного варианта эпоса.

Его единомышленник Л.И. Климович выстроил свое выступление на критике исследователей, стоящих на позиции защиты эпоса – А.Н. Бернштама, М.И. Богдановой, К. Рахматуллина, С.М. Абрамзона, А. Токомбаева, Б.М. Юнусалиева, У. Джакишева. Свои доводы Л.И. Климович облек в грубую, агрессивную форму, что подвигло М.И. Богданову и У. Джакишева выступить с заключительным словом в последний день конференции, в котором они ответили на выпады Л.И. Климовича. А.Н. Бернштам ответил Л.И. Климовичу в предоставленном ему слове, и так как он выступал после Л.И. Климовича, у него была возможность ему оппонировать.

Кроме нападок на участников конференции, Л.И. Климович высказал и несколько общих положений, касающихся непосредственно эпоса. Он подвергает критике выводы об эпосе, сделанные Ч. Валихановым и В.В. Радловым: решительно отрицает сравнение эпоса «Манас» с «Илиадой» и «Одиссеей», сделанное В.В. Радловым, называя его «неправильным, антиисторическим» [Манас 2020: 403]. В заслугу В.В. Радлова он ставит только его деятельность по сбору записей фольклора кыргызского и других тюркских народов и введение их в научный оборот, но при этом отрицает сделанные им умозаключения и научные выводы.

Л.И. Климович обрушивается с критикой и на Научно-исследовательский институт языка, литературы истории Киргизии, который за основу своих исследований принял вариант Сагымбая Орозбакова, отражающий, по его словам, «грязные антинародные идейки буржуазных националистов» [Манас 2020: 406].

При этом нельзя не согласиться с положением, высказанным Л.И. Климовичем, о негативном влиянии, которое оказала на эволюцию эпоса «Манас» исламская религия. Для его подкрепления Л.И. Климович приводит цитату П. Кушнера (Кнышева), который был в научной экспедиции в Кыргызстане в 1925 г.: «Ислам повлиял на содержание “Манаса” самым убийственным образом – из поэмы выпали сказания, которые не сходились с привычными мусульманскими преданиями и были заменены официальными исламистскими рассказами. Так, например, в “Манасе” оказалось магометанское предание о происхождении людей, земледелия, скотоводства, между тем как среди стариков-киргизов сохранились еще древние киргизские предания о тех же предметах и явлениях, резко отличающиеся от мусульманских версий» [Манас 2020: 407–408].

Отечественный ученый Ж. Самаганов также подверг яростным нападкам эпос «Манас» и его исследователей. Для выступления он выбрал оскорбительный тон, используя далекую от этики лексику, направленную на «националистов» Т. Саманчина, Т. Байджиева, З. Бектенова, а также на содокладчиков, обвиняя их во «вредительстве» и создании «аракчеевского режима». Свое отрицательное отношение к идее создания сводного варианта эпоса Ж. Самаганов выразил в тираде, отсылая участников конференции к произведению Н.В. Гоголя «Женитьба»: «если у каралаевского варианта взять губы, да приставить нос шапаковского варианта, да к этому добавить развязность Сагымбая, а ко всему этому дородность Великого Похода, то получился бы желаемый “Манас”. Товарищ Климович убедительно доказал, и в этом вопросе товарищ Боровков подтвердил, что из этих губ, носов и других частей невозможно создать единого организма» [Манас 2020: 483].

Сотрудник ИЯЛИ Г.Г. Нуров также был в рядах оппонентов эпоса, выступавших против попыток «очищения» его от исламских наслоений и не видевших в этом смысла. Он отрицает идею о древности происхождения эпоса. Г.Г. Нуров высказался и по вопросам истории, в частности о происхождении киргизского народа: «Кроме Бернштама, никто из крупных ученых эту точку зрения не разделяет. Киргизский народ, как и все остальные народы Средней Азии, формировался главным образом из древних и средневековых обитателей этой территории» [Манас 2020: 555].

П.И. Балтин, последний из яростных апологетов «антинародности» эпоса «Манас», высказывает мысли, схожие с идеями А.К. Боровкова и Л.И. Климовича. Полную несостоятельность своей точки зрения и непонимание природы устного творчества П.И. Балтин проявил, заявляя, что «Киргизский эпос, чудом сохранившийся до наших дней в живых народных устах, к сожалению, не обрел своего Гомера. Он бытует до сих пор в разных вариантах» [Манас 2020: 579]. Это высказывание П.И. Балтина ярко характеризует атмосферу конференции, на которой состоялось обсуждение эпоса «Манас», где были представлены литературоведы, историки, писатели и поэты, но отсутствовали фольклористы. П.И. Балтин видит в многовариантности «Манаса» его недостаток, а не фундаментальный признак его народности.

Позицию по защите эпоса от внелитературных обвинений в антинародности и по обоснованию древности его происхождения, построенную на строгом научном подходе, с применением научной методологии, выбрали Б.М. Юнусалиев и А.Н. Бернштам. Языковед Б.М. Юнусалиев построил свое выступление на сопоставительном анализе киргизского языка с языками народов Сибири, а также с языками народов Центральной Азии – казахским и узбекским. Сравнение выявило, что «исследования в сравнительно-историческом аспекте корневых слов показали наибольшую близость современного киргизского языка не с казахским, как многие предполагали до сих пор, а с далеким алтайским языком и другими диалектами и наречиями на Алтае и в верховьях Енисея, как, например, с тувинским, шорским и отчасти с хакасским языками» [Манас 2020: 593–594]. Б.М. Юнусалиев использует для сравнения так называемые «корневые слова», которые представляют собой, по его мнению, «наиболее устойчивую часть языка», а также признаки лабиального сингармонизма, выпадение в ряде корневых слов начального «дж», неправильные формы образования множественного числа,

а кроме того, выявляет те лексемы, которые имеются только в кыргызском и алтайском языках и отсутствуют в том же казахском в этой же языковой форме. На основе сравнительного лингвистического анализа он делает важный вывод о том, что «история языков в исторические времена не знает ни одного факта случайного совпадения в языке и ни одного факта изобретения слова без исторической традиции» [Манас 2020: 594]. Проведенное сопоставление языков позволяет Б.М. Юнусалиеву прийти к убедительному заключению о том, что «носители современного кыргызского языка – кыргызы находились в давние времена в верховьях Енисея и на Алтае длительное время и составляли одну общность с предками современных алтайцев, тувинцев, шорцев, хакасов» [Манас 2020: 595]. Данное заключение исследователя позволяет ему оппонировать критикам эпоса «Манас», утверждавшим, что эпос не имеет древнего происхождения, а также «омолаживающим» возраст кыргызского этноса. Время сложения общих черт в языке кыргызского и алтайского народов он определяет «периодом от II в. до н. э. до IX в. н. э., т. е. до нападения кара-кытаев (киданей) на кыргызов в начале XI в., когда была разрушена последняя государственность кыргызов» [Манас 2020: 595].

А.Н. Бернштам к моменту выступления на конференции был в особенно трудном положении в связи с политическими гонениями, которые были организованы против него. Тем не менее, он продолжал отстаивать свою теорию о древности зарождения эпоса «Манас», вступив в дискуссию с Л.И. Климовичем и Г.Г. Нуровым: «Эпос отражает древнейшие представления кыргызов, начало их этнического самоопределения из других этнических групп. Вот отправная позиция в изучении эпоса, а это намного старше XV–XVIII вв.» [Манас 2020: 522]. Образно выразил А.Н. Бернштам и идею об «очищении» эпоса от исламистских наслоений: «Давайте и мы проведем такую реставрацию в отношении “Манаса”. Мы оставим “Манас” без всей мусульманской “штукатурки”» [Манас 2020: 526].

Группа содокладчиков сфокусировала свои исследования на анализе отдельных вариантов эпоса: М.И. Богданова – на варианте Багыша Сазанова, У. Джакишев сделал обзорное сравнение вариантов Сагымбая Каралаева и Саякбая Каралаева, К. Маликов представил к рассмотрению вариант Саякбая Каралаева, А.А. Валитова – ранние варианты, записанные Ч. Валихановым и В.В. Радловым, Б. Керимджанова – письменную версию, созданную Ы. Абдырахмановым. Все выступившие поддержали идею о создании сводного варианта эпоса, при этом придерживаясь литературоведческого подхода к этой работе. Так, М.И. Богданова сказала, что «не Саякбай Каралаев или какие-либо другие *манасчи* должны создать сводный вариант эпоса “Манас”, а создать его должен коллектив ученых и писателей» [Манас 2020: 304]. Писатель К. Маликов предлагает более радикальный метод по работе с текстами эпоса: «За исключением покойного Тоголок Молдо все сказители были неграмотными или малограмотными людьми, поэтому все записи должны подвергнуться некоторой элементарной обработке со стороны литераторов» [Манас 2020: 351]. Забегая вперед, надо сказать, что К. Маликов после завершения конференции приступит в составе группы литературоведов, писателей и поэтов к составлению сводного варианта (он будет ответственным за первую часть трилогии эпоса – «Манас») и, основываясь на своих убеждениях о необходимости «литературной правки» эпоса, будет им неукоснительно следовать.

Среди участников конференции нужно отметить еще одного выступившего – казахского писателя и общественного деятеля М.О. Ауэзова. Писатель принимал непосредственное участие не только в изучении эпоса «Манас», но и в научных мероприятиях, проводимых КирФАН. Он оказался одним из немногих уцелевших из состава участников первой Всесоюзной конференции 1935 г., где он выступил с докладом наряду с К. Тыныстановым и Е.Д. Поливановым. Он неумолимо продолжал изучать эпос и находиться в тесном сотрудничестве с киргизскими коллегами. Но политическое давление не обошло и М.О. Ауэзова, что сказалось на содержании его выступления, которое показывает, что ему пришлось отступить от некоторых принципиальных позиций. Одна из них касается варианта Сагымбая Орозбакова, которого он в 1948 г. оценивал как сказителя, «донесшего до нас ... народную основу» [Манас 2020: 206], тогда как на конференции 1952 г. обошел его молчанием. Высказавшись за создание сводного варианта, в качестве опорных текстов М.О. Ауэзов предлагает использовать записи от Саякбая Каралаева, Шапака Рысмендеева, а также вариант эпоса, записанный В.В. Радловым.

Принципиальная позиция исследователей, писателей и поэтов, вставших на защиту эпоса, принесла свои положительные результаты. По итогам конференции Президиум Академии наук СССР постановил в ряду других решений создание сводного текста эпоса «Манас», а также восстановление сектора устного поэтического творчества. Это были главные итоги конференции, которые общественность восприняла как победу подлинно научных сил над внелитературным вульгаризаторским подходом к эпическому наследию. Компромиссный вариант по изданию сводного варианта эпоса явился на тот момент важнейшим достижением, позволившим впервые издать относительно полный текст эпоса на киргизском языке.

Несмотря на практически полное отсутствие фольклористов, участникам конференции удалось прийти к важным наблюдениям и выводам. Одно из них касается исламистских наслоений в эпосе, которые были включены в него уже в более позднюю эпоху. Большинство выступавших аргументировано доказали, что эти включения не связаны с сюжетным развитием «Манаса», оставаясь изолированными от общей фабулы эпоса. И все же введение исламских компонентов в повествование нанесло урон эпосу. Так, в некоторых сюжетных линиях мотивировки поступков героев эпоса были подменены на исламские, поэтому изначальные мотивы их действий оказались затемненными, например, происхождение Алмамбета (побратима и соратника Манаса), причина разрыва Алмамбета со своим народом, убийство им своего отца.

Не менее важный вывод был сделан на конференции о статусе вариантов, записанных в середине двадцатого столетия. Анализ касался второй фиксации эпоса от Саякбая Каралаева, которая, по оценкам участников, носила «искусственный, лабораторный» характер, а также письменной версии эпоса, сделанной Ы. Абдырахмановым, который записывал эпос от нескольких сказителей, прекрасно знал текст и на основе своих знаний составил свой собственный письменный вариант «Манаса». Исследователи пришли к выводу о необходимости разграничивать поздние варианты как вторичные от вариантов, записанных в более естественных условиях бытования эпоса.

Значение конференции сказалось не только на развитии манасоведения в республике, но также отозвалось в других республиках, переживавших похожие процессы нигилистической оценки эпосов. Во время Всесоюзного совещания, посвященного вопросам изучения и публикации эпосов народов СССР, состоявшегося в ноябре 1958 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР, писатель и публицист А.И. Киреев из Башкирии отметил: «изучение башкирского народного эпоса фактически приостановлено. Особенно огорчает нас почти полное прекращение исследования и публикации прекрасного народного эпоса “Идукай и Мурадым”, который был подвергнут нигилистической проработке». И далее: «Мы просим Институт мировой литературы помочь нам реабилитировать наш национальный эпос, как это было сделано с “Алпамышем” и “Манасом”. Известно, что научные конференции, посвященные проблемам изучения узбекского и киргизского эпоса (которые в недавнем прошлом находились в том же положении, в котором теперь наш башкирский эпос), сыграли большую роль» [ВС 1958: 28].

О такой же проблеме заявил представитель Института литературы Казанского филиала АН СССР Х.Х. Ярмухаммедов: «я совершенно убежден в том, что сектор фольклора Института мировой литературы правильно поставил в центр своего внимания изучение древних памятников, в частности, проблемы изучения эпоса. Ведь совсем недавно на местах боялись произносить слово “эпос”. Именно Институт мировой литературы вытащил из “зидана” (темницы) эпос “Алпамыш” и “Манас”. И трудно переоценить значение научных конференций, посвященных проблемам этих эпических произведений» [ВС 1958: 33].

А.А. Петросян поддержала запросы исследователей из национальных республик и, в свою очередь, заявила о необходимости специального изучения национальных версий эпоса «Идэгэ» (башкирских, татарских, казахских, каракалпакских), а также предложила созвать для этого Всесоюзную конференцию [ВС 1958: 68].

Следующим важным этапом в становлении отечественного эпосоведения стала масштабная подготовка сводного варианта эпоса «Манас», начатая в 1953 г. и завершившаяся изданием четырех томов в 1960 г. [Манас 1958; Семетей 1959; Сейтек 1960]. Для реализации этого грандиозного плана манасоведы республики не единожды собирались для обсуждения вопросов, стоящих перед ними. Наиболее важные вопросы были подняты на расширенных заседаниях Бюро отделения общественных наук АН Киргизской ССР в марте и июле 1956 г. [Манас 2020: 692, 745]. Состав редакционной коллегии был представлен специалистами разных направлений гуманитарного профиля, в нее вошли литературоведы Б. Керимжанова, К. Асаналиев, языковеды Б.М. Юнусалиев (главный редактор и автор предисловия), Ж. Шукуров, К.К. Юдахин, философ А. Салиев (заместитель главного редактора), историк С. Ильясов, писатели и поэты М. Ауэзов, К. Жантошев, А. Токомбаев, фольклорист У. Джакишев (заместитель главного редактора).

Составителям нужно было решить методологические вопросы для объединения в единый текст десяти разных вариантов эпоса. Было решено представлять текст, характеризующий того или иного героя, от одного сказителя, чтобы сохранить его стилистическую трактовку. Споры велись вокруг статуса третьей части трилогии «Сейтека» (повествовании о внучке Манаса), поэт А. Токомбаев считал ее эпилогом «Манаса» и «Семетя». Было принято решение о том, что

«Сейтек» является самостоятельной частью трилогии, этот принцип генеалогического деления вошел в обиход манасоведения, став уже классическим для циклизации эпоса.

Не обошлось без критики членов редколлегии, а именно поэтов и писателей, которые стали включать в текст эпоса строки собственного сочинения. Отступления от текстологических принципов издания эпоса коснулись и вопроса о сохранении эпитетов Манаса. Так, эпитет «*канкор*» ‘кровопивец’ в восприятии современных читателей мог вызвать негативную оценку главного героя – Манаса, что было недопустимо в том тексте эпоса, который должен был отвечать идеологическим представлениям о положительном герое. Примечательно, что при обсуждении проблем составления текста вопросы о текстологии, следовании ее принципам не ставились.

Для компоновки сводного варианта составители использовали варианты десяти сказителей: Сагымбая Орозбакова, Саякбая Каралаева, Багыша Сазанова, Ыбраима Абдырахманова, Молдобасана Мусульманкулова, Шапака Рысмендеева, Тоголока Молдо, Тыныбека, Акмата Рысмендеева, Жакшылыка Сарыкова. Особое внимание при выборе вариантов было приковано к варианту Сагымбая Орозбакова, который до 1956 г. фактически был под запретом. О включении его текста в сводный вариант первым заговорил А. Токомбаев [Манас 2020: 704] в марте 1956 г., затем М.О. Ауэзов в июле того же года [Манас 2020: 749, 751], и конечное решение, которое озвучил Б.М. Юнусалиев, однозначно предложив включить в сводный вариант текст Сагымбая, было принято на том же июльском заседании [Манас 2020: 757].

В дальнейшем, с упрочением фольклористической науки в стране, а также с ослаблением идеологического давления на гуманитарную сферу, издание сводного варианта эпоса «Манас» будет подвергнуто критике как труд, составленный без учета научных и методологических подходов. Однако в конце 50-х гг. подготовка и издание сводного варианта сыграло важную роль как в становлении науки об эпосе, так и в деле популяризации эпоса среди широких кругов читателей, для которых эти четыре тома стали настольными книгами на многие годы.

Следующим значимым этапом в манасоведении стала подготовка и издание научного перевода эпоса «Манас» в серии «Эпос народов СССР – Эпос народов Евразии» Института языка и литературы АН Киргизской ССР. Киргизские ученые вели активную работу под руководством А.А. Петросян – главного редактора серии «Эпос народов СССР» Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, начиная с 1969 г. вплоть до издания эпоса в конце 80-х – начале 90-х гг. XX столетия [Манас 1984–1995].

Издание эпоса «Манас» стало самым объемным в данной серии, представляя собой четыре тома. Это был не только первый опыт двуязычного издания эпоса «Манас», но и первый опыт его научного перевода на русский язык. Для издания в качестве основного текста был выбран вариант Сагымбая Орозбакова и, частично, Саякбая Каралаева. Текст Саякбая Каралаева был взят для завершения эпоса, финал которого у Сагымбая Орозбакова оказался значительно сокращенным, так как записывался от сказителя, уже тяжело больного.

Во вводной статье «От редакции» дается обзорная характеристика содержания томов: «Каждая книга серии включает разделы: текст эпоса на языке оригинала и

его перевод, выполненный с максимально достижимой адекватностью; краткое исследование, дающее историческую оценку и художественную характеристику издаваемому памятнику; комментарии и словарь к переводу; сведения о вариантах и о сказителях, от которых записан текст эпоса; статью об особенностях исполнения эпических произведений; нотные записи и др.» [Манас 1984–1995: 5].

Работа по составлению издания была осуществлена под руководством акад. АН Киргизской ССР Б.М. Юнусалиева и продолжена после его смерти С. Мусаевым. В число составителей и разработчиков томов входили следующие ученые института: Э. Абдылдаев, Р. Кыдырбаева, К. Кырбашев, А. Джайнакова, Р. Сарыпбеков, С. Бегалиев, М. Мамыров, Дж. Мусаева, О. Сооронов, А. Усенбаев.

Работа переводчиков издания – старших научных сотрудников Института мировой литературы АН СССР – А.С. Мирбадалевой и Н.В. Кидайш-Покровской осуществлялась на основе подстрочных переводов, которые были выполнены под редакцией акад. АН КиргССР К.К. Юдахина и проф. А. Алдашева, а также с участием О. Орозбаева, М. Токтомушева, М. Байджиева, З. Бектенова, Р. Кыдырбаевой и З. Мамытбекова [Манас 1984–1995: 6].

Издание эпоса «Манас» в серии «Эпос народов СССР» впервые предоставило возможность широкой академической общественности познакомиться с ним в полном объеме, а также получить ценные сведения, содержащиеся в научном аппарате опубликованных томов.

Издание двух томов энциклопедии эпоса «Манас» в 1995 г. стало знаковым событием, подтвердившим зрелость и высокий уровень компетентности отечественных манасоведов. Энциклопедия была подготовлена в рамках мероприятий, приуроченных ко всемирному празднованию 1000-летия эпоса «Манас», на основе резолюции, принятой в 1994 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Издание вобрало в себя более трех тысяч статей (терминов) по фольклористике, литературоведению, истории, этнографии, лингвистике, философии, искусству, имеющих отношение к эпосу «Манас». В энциклопедию вошли материалы по истории и теории манасоведения, сказительскому искусству *манасчи*, сказителям и их вариантам, поэтике и мотивам эпоса, образной системе, художественно-изобразительным средствам, топонимике, философским и религиозным понятиям, встречающимся в эпосе, и многое другое. Энциклопедия на долгие годы стала важной источниковедческой базой не только для манасоведов, но и для широких читательских кругов, не утратила она своего значения и в наши дни.

В постсоветский период были изданы академические варианты эпоса «Манас», но, несомненно, их фундаментальные основы были заложены в предшествующий период. В 1995–2014 гг. был издан вариант Сагымбая Орозбакова, подготовленный коллективом сотрудников Института языка и литературы Национальной академии наук Кыргызской Республики С. Мусаевым, К. Кырбашевым, Э. Абдылдаевым, Р. Сарыпбековым [Манас 1995–2014]. В 1995–1998 гг. был издан вариант Саякбая Каралаева [Манас 1995–1998].

Подводя итоги обзору истории становления и развития манасоведения в Кыргызской Республике, отметим, что проведенное исследование позволило выявить некоторые общие закономерности взаимоотношений государства и фольклора, которые складывались на протяжении XX в. на советском пространстве. Основанное на ряде материалов и документов, касающихся эпоса «Манас», исследо-

вание позволило получить общую картину становления и развития науки об эпосе в сложнейшей политической обстановке, которая характеризовалась диктатом идеологического мировоззрения и преданностью партийным установкам. Тем более значимыми становятся усилия ученых двадцатого столетия, посвятивших себя изучению эпоса «Манас» или касавшихся его отдельных проблем. Практически не имея доступа к имевшимся на тот момент методологическим разработкам или находясь в ситуации запрета на их применение (в частности, учения А.Н. Веселовского), ученым-манасоведам приходилось создавать историю и теорию эпоса, основываясь на эмпирических наблюдениях. Места выбывших исследователей-фольклористов эпоса занимали ученые из смежных гуманитарных дисциплин – литературоведы, лингвисты, историки, философы. Неоценимую помощь в разработке теоретических и практических подходов к исследованию эпоса оказали российские ученые: лингвист Е.Д. Поливанов, литературоведы В.М. Жирмунский, П.Н. Берков, М.И. Богданова, историки, археологи и этнографы В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам, С.М. Абрамзон. Находясь у истоков создания манасоведения, эти ученые, используя свой незаурядный талант, энциклопедический ум и глубочайшие знания, со всей преданностью истинных исследователей посвятили себя изучению эпоса «Манас», истории кыргызов и тюркоязычных народов.

В этом же ряду находятся казахские ученые и деятели науки: А.Х. Маргулан, М.О. Ауэзов, Е. Турсунов. Известный писатель М.О. Ауэзов вписан отдельной строкой в историю манасоведения, как человек, который отдал больше половины своей научной жизни не только изучению эпоса «Манас», но и его защите от идеологических нападков и обвинений. Эти выдающиеся умы были подвергнуты идеологическому давлению, наравне с учеными Кыргызстана они несли тяжелую ношу по отстаиванию научных принципов, проявляя невиданное мужество в своем сопротивлении «неакадемическому характеру методологических предпосылок», навязыванию идеологических норм и установок фольклору.

Значимость усилиям ученых, посвятивших себя изучению эпоса «Манас», придает внушительный объем его текста (183 000 строк в варианте Сагымбая Орозбакова). Практически самый большой эпос, бытовавший на советском пространстве, требовал невероятных усилий со стороны его исследователей. Была проведена грандиозная работа по записи его вариантов, их систематизации, последующему изучению и сравнительному анализу. Наличие вариантов эпоса не могло не привести к идее создания сводного варианта, которая впоследствии была успешно осуществлена. Благодаря переводу эпоса в серии «Эпос народов СССР – Эпос народов Евразии» на русский язык «Манас» стал доступен не только тюркоязычным ученым, но и широкому кругу читателей и ученых.

Современное состояние фольклористики ставит вопрос о дальнейшем углубленном структурно-функциональном изучении эпоса «Манас», выявлению инвариантов эпоса и пределов его варьирования.

Литература

- Архипова, Неклюдов 2010 – *Архипова А.С., Неклюдов С.Ю.* Фольклор и власть в закрытом обществе // Новое литературное обозрение. – М., 2010. – № 101. – С. 84–108. {*A.S. Arkhipova, S.Yu. Neklyudov.* Folklore and Power in a Closed Society // *Novoe literaturnoe obozrenie.* – Moscow, 2010. – № 101. – PP. 84–108.}

- Ашнин 2002 – Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. – М.: Восточная литература, 2002. – 296 с. {Ashnin F.D., Alpatov V.M., Nasilov D.M. *Repressed Turkology*. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. – 296 p.}
- Бакчиев 2012 – Бакчиев Т.А. Манасоведение: курс лекций. – Бишкек: Кут–Бер, 2012. – 176 с. {T.A. Bakchiev. *Manas study: lecture course*. – Bishkek: Kut–Ber, 2012. – 176 p.}
- ВС 1958 – Всесоюзное совещание, посвященное вопросам изучения и публикации эпоса народов СССР «Вопросы изучения эпоса народов СССР» / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР. – Ноябрь 1958 г. – 71 с. {All-Union Conference on the Study and Publication of the Epics of the Peoples of the USSR «The Issues of the Study of the Epics of the Peoples of the USSR» / The Gorky Institute of World Literature of the USSR Academy of Sciences. – November 1958. – 71 p.}
- Манас 1946 – Манас. Великий поход. Киргизский эпос / Пер. Семена Липкина, Льва Пеньковского, Марка Тарловского; под ред. У. Джакишева, Е. Мозолькова и др.; вступ. статья Евг. Мозолькова, У. Джакишева. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. – 370 с. {Manas. The Great Campaign. The Kyrgyz Epic / Transl. by Semen Lipkin, Lev Penkovsky, Mark Tarlovsky; ed. by U. Dzhakishev, E. Mozolkov and others; introduction article by Yevgeny Mozolkov, U. Dzhakishev. – Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoj literatury, 1946. – 370 p.}
- Манас 1958 – Манас: Биринчи бөлүк. 1 китеп. (Кыскартылып бириктирилген вариант) / Жалпы редакциялаган – проф. Б.М. Юнусалиев. – Фрунзе: Кыргызмамбас, 1958. – 303 б. {Manas: First Part. Vol 1. (An abridged consolidated version) / Ed. by prof. B.M. Yunusaliev. – Frunze: Kyrgyzmambas, 1958. – 303 p.}; Манас: Биринчи бөлүк. 2 китеп. (Кыскартылып бириктирилген вариант) / Жалпы редакциялаган – проф. Б.М. Юнусалиев. – Фрунзе: Кыргызмамбас, 1958. – 330 б. {Manas: First Part. Vol. 2. (An abridged consolidated version) / Ed. by prof. B.M. Yunusaliev. – Frunze: Kyrgyzmambas, 1958. – 330 p.}
- Манас 1968 – Манас: героический эпос киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1968. – 232 с. {Manas: Heroic Epic of the Kyrgyz People. – Frunze: Ilim, 1968. – 232 p.}
- Манас 1984–1995 – Манас: киргизский героический эпос / Пер. А.С. Мирбадалевой, Н.В. Кудайш-Покровской. В 4 кн. (Серия «Эпос народов СССР» – «Эпос народов Евразии»). – М.: Наука, 1984–1995. {Manas: Kyrgyz Heroic Epic / Transl. by A.S. Mirbadaleva, N.V. Kidaish-Pokrovskaya. In 4 volumes. (Series: «Epics of the Peoples of the USSR» – «Epics of the Peoples of the Eurasia»). – Moscow: Nauka, 1984–1995.}
- Манас 1995–1998 – Манас: Кыргыз элинин баатырдык эпосу / Саякбай Каралаевдин варианты боюнча академиялык басылышы. 1–2–3 китеп. – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 448 б.; Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 296 б.; Бишкек: Кыргызстан, 1998. – 787 б. {Manas: Kyrgyz Heroic Epic / Academic edition of Sayakbay Karalaev's version. Vol. 1–2–3. – Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 448 p.; Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 296 p.; Bishkek: Kyrgyzstan, 1998. – 787 p.}
- Манас 1995–2014 – Манас: Кыргыз элинин баатырдык эпосу: 1–2–3–4–5–6–7–8–9 китеп: С. Орозбаковдун варианты б-ча академиялык басылыш. – Адаб. ж-а искусство ин-ту – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 568 б.; Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 800 б.; Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 672 б.; Бишкек: Шам, 1997. – 612 б.; Бишкек: Шам, 2006. – 756 б.; Бишкек: Шам, 2006. – 768 б.; Бишкек: Турар, 2014. – 792 б.; Бишкек: Турар, 2014. – 800 б. {Manas: Kyrgyz Heroic Epic / Academic edition of Sagymbaj Orozbekov's version. Vol. 1–2–3–4–5–6–7–8–9. – Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 568 p.; Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 800 p.; Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 672 p.; Bishkek: Sham, 1997. – 612 p.; Bishkek: Sham, 2006. – 756 p.; Bishkek: Sham, 2006. – 768 p.; Bishkek: Turar, 2014. – 792 p.; Bishkek: Turar, 2014. – 800 p.}
- Манас 1995 – Манас: энциклопедия. I. Аалам – Манастын музыкасы. – Бишкек: Кыргыз энциклопедиясынын Башкы редакциясы, 1995. – 440 б. {Manas: Encyclopedia. I. The Universe – Music in Manas. – Bishkek: Kyrgyz enciklopedijasyнын Bashky redakciyasы, 1995. – 440 p.}; Манас: энциклопедия. II. – Манастын сюжети – Ярупа. – Бишкек: Кыргыз энциклопедиясынын Башкы редакциясы, 1995. – 432 б. {Manas: Encyclopedia. II. The plot of «Manas» – Yagrupa. – Bishkek: Kyrgyz enciklopedijasyнын Bashky redakciyasы, 1995. – 432 p.}
- Манас 2020 – Манас: сборник документов / Сост.: А. Акматалиев, А. Исаева, М. Колбаева, Р. Сырдыбаева, П. Абдыбаева, Ж. Омуралиева, Ж. Тойчубек кызы. – Бишкек: Принт Экспресс, 2020. – 1260 с. {Manas: collection of documents / Compiled by A. Akmatalliev, A. Isaeva, M. Kolbaeva, R. Syrdybaeva, P. Abdymbaeva, J. Omuralieva, J. Toichubek kызы. – Bishkek: Print Ekspress, 2020. – 1260 p.}

- Плоских 2012 – *Плоских С.В.* Репрессированные за эпос «Манас» (к проблеме взаимоотношений интеллигенции и власти в середине XX в.) // Вестник КРСУ. – 2012. – Том 12. – № 9. – С. 175–179. {*S.V. Ploskikh.* Repressed for the epos «Manas» (on the issue of relations between the intellectuals and the authorities in the middle of the XXth century) // Vestnik KRSU. – 2012. – Volume 12. – № 9. – PP. 175–179.}
- Сейтек 1960 – Сейтек: Манас эпосунун үчүнчү бөлүгү. 4 китеп / Проф. *Б.М. Юнусалиевдин* жалпы редакциясы боюнча. – Фрунзе: Кыргызмамбас, 1960. – 267 б. {*Seitek: the Third Part of the Epic «Manas».* Vol. 4 / Ed. by prof. *B.M. Yunusaliev.* – Frunze: Kyrgyzmambas, 1960. – 267 p.}
- Семетей 1959 – Семетей: Манас эпосунун экинчи бөлүгү. 3 китеп / Проф. *Б.М. Юнусалиевдин* жалпы редакциясы боюнча. – Фрунзе: Кыргызмамбас, 1959. – 324 б. {*Semetei: the Second Part of the Epic «Manas».* Vol. 3 / Ed. by prof. *B.M. Yunusaliev.* – Frunze: Kyrgyzmambas, 1959. – 324 p.}
- Судьба 1995 – Судьба эпоса «Манас» после Октября: сборник документов. – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 141 с. {*The Fate of the Epic «Manas» after the October: a Collection of Documents.* – Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 141 p.}

Development of Manas studies in the Soviet period

A.K. Isaeva

Bishkek (Kyrgyz Republic)

Summary: The article considers the formation of Manas studies – a trend in the epic studies of Kyrgyzstan, the main stages of its development. On the basis of the review in diachronic plan the main problems that faced the researchers of the epos «Manas» in different years of its study are identified: the principles of collecting and recording of the epos «Manas»; the time of the epos; the principles of compilation and publication of the collection of works on the epos; methods for compiling a consolidated version of the epos; principles of translation of the epos into Russian; principles of academic publication of the epos; approaches to creating an encyclopedia of the epos.

The study touches upon the problem of the relationship between the state, power and folklore, typical for the Soviet space, revealing the general patterns of this process, consisting in attempts to create «Soviet folklore» that meets ideological guidelines, as well as the nihilistic rejection and condemnation of several national epics of the peoples of the USSR – «Geser», «Edige», «Manas», «Alpamysh», etc.

The role of researchers who contributed to the development of the science of the epos «Manas» is defined. A number of leading Russian and Kazakh scholars – literary scholars, linguists, historians and ethnographers – in different periods of their career included the epos «Manas» in the orbit of their scientific interests and, thus, subjected themselves to political persecution and persecution. The paper provides the names of the scholars who fell into the millstone of terror for their involvement in the study and popularization of the epos.

The study shows the achievements of domestic folklorists in the development of methods and approaches in the study of the epic «Manas», its poetics and textology. Significant milestones on the way to the formation of the epic of Manas were the prepared academic publications of two versions of the epos «Manas», encyclopedias on the epos, the series «The epos of the peoples of the USSR», several collections of works by scholars on the epos, with materials and documents related to different aspects of the epos.

Key words: epic studies, Manas studies, epic, storyteller, folklore, consolidated version, digest, Pan-Islamism, Pan-Turkism, repression.

Asel Keneshbekovna Isaeva – Ph.D. in philology, head of the Department of Manuscript Collection, Aitmatov Institute of Language and Literature, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek (Kyrgyz Republic), e-mail: asel.isaeva@gmail.com.